

ОБРАЗ БУРЯТИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ М. ШИХАНОВА, В. ЛИПАТОВА, А. ЩИТОВА

THE IMAGE OF BURYATIA AS
A SOCIO-CULTURAL SPACE OF A SMALL
HOMELAND IN THE LYRICS
OF M. SHIKHANOVA, V. LIPATOVA,
A. SHCHITOVA

L. Munkuyeva
T. Zateeva

Summary: The article examines the image of Buryatia as a socio-cultural space of a small homeland in the poetry of M. Shikhanov, V. Lipatov and A. Shchitov. The study of various spiritual, cultural, historical layers in the poems of the poets allows us to identify the peculiarity of the image of Buryatia. This is the novelty of the presented work. In this aspect, the poetry of the Russian lyricists of Buryatia has not been studied at all. The poetry of Mikhail Shikhanov, Anatoly Shchitov and Vladimir Lipatov is united by many things. Firstly, the years of the poets' lives and their creative activities coincide in time with only a small difference. Secondly, the formation of poets falls on those years when the motif of «quiet lyrics» is emerging and strengthening in Russian literature, and the appeal to the small homeland becomes dominant. This is how the image of Buryatia is revealed in their poems. The research is based on cultural-historical, descriptive and comparative methods.

Keywords: space, society, culture, image, hero, history, homeland, country, Buryatia.

По тональности, тематике, мотивной природе, образной системе лирика М. Шиханова, В. Липатова и А. Щитова соотносится со стихами Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Прасолова, Ю. Кузнецова, Д. Злобиной, другими. Стихи русских поэтов Бурятии наполнены эмоциональностью по отношению к Бурятии. Лирический герой пропускает сквозь сердце, душу все перемены и изменения, происходящие в республике. Поэт, как художник слова, а не просто как житель Бурятии точно и тонко отмечает и лирически описывает изменяющуюся социокультурную основу малой родины.

С философской точки зрения в понятии «социокультура» П. Сорокин выделял три взаимодействующих аспекта: личность, общество и культуру как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [7, С. 53]. При этом данное пространство

Мункуева Лидия Доржиевна
Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
lidiya-naumova@inbox.ru
Затеева Татьяна Владимировна
Доктор филологических наук, профессор, Бурятский
государственный университет имени Доржи Банзарова
vlatat1954@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается образ Бурятии как социокультурное пространство малой родины в поэзии М. Шиханова, В. Липатова и А. Щитова. Исследование разных духовно-культурных, исторических пластов в стихах поэтов позволяет выявить особенность образа Бурятии. В этом заключается новизна представляемой работы. В данном аспекте поэзия русских лириков Бурятии совершенно не исследована. Поэзию Михаила Шиханова, Анатолия Щитова и Владимира Липатова объединяет многое. Во-первых, годы жизни поэтов и творческая их деятельность совпадают по времени с небольшой лишь разницей. Во-вторых, становление поэтов приходится на те годы, когда в русской литературе зарождается и укрепляется мотив «тихой лирики», доминантой становится обращение к малой родине. Именно так раскрывается в их стихах образ Бурятии. Исследование основано на культурно-историческом, описательном и сравнительно-сопоставительном методах.

Ключевые слова: пространство, социум, культура, образ, герой, история, родина, страна, Бурятия.

берет начало из природного мира, освоенного и преобразуемого человеком. Также, если исходить из позиции Е.В. Орловой, «социокультурное пространство формируется жизненными приоритетами индивида, средой его обитания и социальной организацией этой среды, оказывает влияние на науку, технику, искусство» [5, С. 150].

Само время рождения, трудное детство поэтов, их становление, мужание, обретения себя как творческой личности во многом немало ставило художников слова перед выбором в разрешении каких-то сложных вопросах бытия. Однако поэты не потеряли себя, не растратили дар творчества, сумели в скупое отведенное судьбой время поведать о красоте родного края, признаться в любви к малой родине. Именно о них (а не только о В. Липатове) сказаны эти слова: «Бог дал ему дар чувствовать красоту, дар поэтического вдохновения, волшебного слова, умения чутко улавливать музыкальную гармонию сфер. Он мог стать профессиональным музыкантом или

спортсменом, однако предпочел поэзию (понимая, что это не только рука удачи, но и творческие муки)» [6, С. 6]

В стихах поэтов раскрывается все то, что духовно дорого и ценно лирическому герою. Так в стихах А. Щитова. Поэт не мыслит себя в отрыве от земляков, с гордостью он обращается к ним словом «забайкальцы»:

Забайкальцы! Мои земляки и соседи!
С вами мне хорошо и в труде, и в беседе.
С вами пир пировать,
с вами век вековать,
с вами надвое хлеба краюху ломать!
Я все думаю:
Как это, какую судьбой
На земле вдруг народ
Появился такой?.. [10, С. 52].

Поэт, стремясь разгадать феномен забайкальского человека, не боящегося выйти один на один с медведем, лирическим воззрением уходит в глубину веков, когда «по сибирскому тракту гремят кандалы, / То с Яика, то с Дона закандаленный люд / под конвоем жандармы этапом ведут. / Тыщи верст до Байкала. Где он, славный / Байкал» [10, С. 53]. Углубление в историю необходимо лирическому герою, поскольку он ищет ответ на вопросы: в чем крепость, сила духа такого человека? Ведь по внешнему виду нельзя сразу понять такого забайкальца: «То ль ленив, то ль степенен/ сразу глаз не поймет» [10, С. 53]. Возможно, по мысли лирического героя, крепость духа, упорство такого человека с тех времен, когда «атаманы российские шли впервые сюда? / Через реки, чащобы, не сдаваясь вперед!» [10, С. 53].

Историческая углубленность поэта наталкивает на тот факт, что суровость природного Забайкальского края, должная породить, по плану политического правления страны того времени, в таком диком пространстве не менее тяжкие нравы и законы, была побеждена человечностью казаками-первопроходцами, кандальниками, которые не бросали друг друга в беде, знали уверенное плечо друга: «Вот один покачнулся, да не упал. / Подхватили его, сами еле стоят. «/ Продержись до Поселья», — ему говорят. / И под гнусом таежным, усмехаясь, вперед / только самый выносливый, да отбойный идет. / И под свистом плеток, зубы стиснув, вперед / лишь в товарища верящий, даже слабый идет» [10, С. 53].

Поэт уверен, что чувство взаимовыручки, преданность друга дали хорошие всходы в новой группе социума в Бурятии - забайкальцах, которые пронесли эти качества через все исторические тяготы: войны, революции, голод, разруху, восстановление страны: «Я закрою глаза - сразу в сердце остро. / Сразу детство, / и сводки Информбюро. / И рассказы, / как на подмосковном снегу/ Забайкальцы ни пяди не сдавали врагу... Я по Братску иду. Вижу крепких ребят. / - Я с Урала.../ - Я с Волги, -

мне они говорят./ Здесь в глуши комариной на ветру, на жаре/ поднималась плотина, горло сжав Ангаре./ Только самые крепкие мчались к будущей ГЭС./ Значит, род забайкальский продолжается здесь!/ Значит, это сегодня еще крепче встает/ верный дружбе и силе забайкальский народ!» [10, С. 53, 54]. По мысли поэта, именно земля у Байкала – забайкальская сроднила людей разных народов, сблизила, сплотив в нерасторжимое социодуховное единство.

Отсылкой к библейской притче о преломлении хлеба («с вами надвое хлеба краюху ломать!») поэт констатирует факт духовной неразрывности народов, которые должны вместе не только «пир пировать», но и «век вековать», становясь при этом, как в Библии, «преломленными братьями и сестрами», не имеющими права предать друг друга, бросить на произвол судьбы, не поделиться последним куском хлеба.

Оттого для русских поэтов, родившихся в Бурятии, с детства было понятно бурятское выражение - тоонто нютаг (малая родина). В бурятском осознании это означало не просто место, где родился человек, а где был закопан его послед. Так на всю жизнь устанавливалась генетическая, духовная взаимосвязь человека с родной землей. Где бы он ни был, куда бы ни бросала его судьба, человек должен был возвращаться в родной уголок, на малую родину, чтобы поклониться ей, повиниться в чем-либо, очиститься от ненужного гнета души и вновь обрести силу «для дальнего нелегкого пути» (Дамба Жалсараев. Гимн Бурятии).

Если у А. Щитова это исходит из библейской притчи о преломленных братьях и сестрах, то в стихах М. Шиханова подобное осознание взаимосвязанности русского и бурятского народов понимается кровно, генетически:

Скуластый и раскосый
я прост и грубоват.
Чернявый и курносый-
я русский, я бурят.
Горячечные степи.
традиции храня,
парней с любовью лепят.
похожих на меня.
Могу я из табуна
коня себе поймать!..
Эх, степь моя родная,
моя вторая мать! [1, С. 281]

В стихотворении М. Шиханова закономерно обозначены эти неразрывные звенья единого социокультурного пространства: лирический герой, рожденный русским и бурятскими народами, родная степь, табуны коней, лихой скакун, в которого «буряточка-соседка/ по уши влюблена», цветок мака, что преподнесет ей лирический герой, «сорвав его в лихом карьере». Поэт даже

фамилию прапедка растолковывает, соотнося русские слова с бурятскими:

Не оттого ль, что кличут по-бурятскому
Его высоким именем
Шихан?
«Ши» — значит «ты».
А «хан», понятно, «царь» ... [9, С. 79]

В стихах А. Щитова родное забайкальское пространство проступает в историческом размахе освоения, у М. Шиханова Бурятия предстает трудами земледельца. Своего рода, поэт создает гимн русскому человеку, преобразующему этот неосвоенный сибирский край: «Отец мой пахарь, / был порой и плотником, / он под конек с друзьями ставил дом- / среди крестьян всегда полно охотников / поколдовать / с веселым топором...» [9, С. 75]. Поэт раскрывает одну из главных особенностей русского человека – стремление освоить новое пространство, поставить дом на земле, возделывать ее, закрепиться на ней своими потомками, взяв в жены степную «басаган» (с бур. - девушка), клятвенно признавшись ей:

Тянуть обоз
Отныне в паре нам...
Была бы мне соха...
Распашем степь.
Земля-то -
благодатная!
Посеем хлеб,
наладим огород... [9, С. 79].

В данных строках поистине предстает социально, духовно освоенным некогда по-настоящему природное пространство - степь, в которой человек как творец своим плугом связывает себя навсегда с землей, как ребенок с пуповиной матери. Вот отсюда у русских поэтов в Бурятии также появилось особое понимание земли как «тоннто нютаг», что соотносимо с бурятским отношением к родине. Синтез художественного видения этого социокультурного пространства и в том, что смешиваются, прирастают друг с другом разные культурные коды в одной плоскости видения мира. Так, как и А. Щитов, М. Шиханов отсылает читателя к исконно русскому пониманию значимости семьи в жизни человека. Ведь лирический герой берет в жены «басаган» - бурятскую девушку, говоря ей словами: «Тянуть обоз // Отныне в паре нам». Так поэт обозначает слова «супруги», что идет из основы старославянского слова от съпрушти (1 л. ед. ч. - съпрягу) как значение стянуть, соединить, запрячь [8, С. 589]

В этом же заключается глубина православного понимания супружеской связанности: пары перед богом давали обет брака, верности друг другу до гроба. Эта же значимость православной культуры проступает в стихах А. Щитова:

В доме во всем был порядок полный.
Желтела икона в углу у окна.

А я все смеялся над дедом, помню,
едва молиться он начинал.
Крепок был дед мой, матрос с «Цусимы» -
верил и с верою жизнь прожил... [10, С. 47].

Поэт, представляя образ лирического героя в ироничном отсвете по отношению к религии (в этом сказываются атеистические годы советского времени), тем не менее, в строках выдает русское - православное осознание жизни, в которой надо пребывать с верой в Бога. Именно в этом, в представлении поэта, заключается гармоничность мира, что передается образом дома, в котором «порядок». Эпитет «полный» несет в себе символ гармонии. В стихотворении все образы, символы несут в себе такое понятие бытия русского человека. Хотя лирический герой юным смеялся над молитвой деда, с годами он осознал правоту святых слов старшего в роду как напутствие в жизни. Он понял, откуда крепость русской души, что шла от вековых основ нравственных устоев народа, закалилась в боях за родину, в преданности родине, долге перед ней, какие бы трагические периоды она ни переживала. Знал дед, и поэт это передает стихотворением: ничто не могло и не может убить дух русского человека - стремление к миру как гармонии, началу всех начал. Поэтому дед в минуты причащения зовет внука: «И в белой рубахе, с тлеющим взглядом / привстал на локтях:/ - Умираю, кажись.../ Помедлил - и тихо/ - А верить надо» [10, С. 47].

В стихах Владимира Липатова образ Бурятии в пространственно-временном размахе берет начало из эпохи Чингисхана, достигая современных лет поэту – строительства БАМа. В поэтическом видении уместаются разные миры, раскрывая свои разные социокультурные пласты в одной интеграции. Таково стихотворение, например, «Котел Чингис-хана»:

Его везла упряжка крепкозадых.
Муштрованных к походам степняков.
Чтоб в час привала воины-номады
Привычно таборились близ него.

Тогда котел протаскивали в гору.
Взлетали гривы костровых огней.
И вскоре острый запах бухулера
Мешался с душным запахом коней.

Шестиметровый, меднотелый идол
Прожорливых желудков. Он, с вершин,
Невозмутимый, как улигершин,
За годы странствий столько перевидел!

То гарь осад, то сечи и погони,
Где, перервав точильный визг клинков,
Как роженицы вскрикивали кони,
Отбрасывая напрочь седоков.

То лавы конниц потных и гривастых.

Плач матерей,
То схваченные пламенем серпасто
Крутые лбы мечетей и церквей...

В двух переходах до границ монгольских,
На лысой сопке Сайханайн-табхар,
Был брошен он идущем в степи войском
И в землю врос среди обломков арб... [4, С. 20]

В. Липатов, как поэт, как человек, родившийся в Бурятии, знал бурятские легенды, устные рассказы, связанные с именем Чингисхана. Ведь реки, горы, урочища, различные плато в Бурятии по своему названию берут начало с тех давних, исторических времен. Названия местностей, как Баргуджин-Токум, Уран-Душэ, плато Тапхар, горы Буха-нойон, Бархан-Уула, Сайханайн Табхар, другие связаны с народными сказаниями бурят.

Поэт в стихотворении обращается непосредственно к истории походов Чингисхана, хотя преданий и легенд, связанных с брошенным котлом кочевников на горе Сайханайн-табхар между Бурятией и Монголией, бытует несколько. Это котел собственно войск Чингисхана, другое предание указывает на племя хонгодоров, третье гласит о маньчжурах. Главное в стихотворении то, что оно содержит нескрываемое удивление и поражение лирического героя от воображаемого количества воинов Чингисхана.

Как и М. Шиханов, В. Липатов ради правдивости лирического видения прибегает к бурятским словам «Сайханайн-табхар» (хорошая, добрая гора), «бухулер» (национальный суп), «улигершин» (певец). Образ котла необходим был поэту не только передать тот факт, что эта емкость является настоящим немым свидетелем походов монгольского предводителя: «Невозмутимый, как улигершин, // За годы странствий столько перевидел!», - но и как возможность читателю представить громадность войска Чингисхана. Поэтому нужно было подчеркнуть неподъемность котла. Отсюда гиперболичность образа: «Шестиметровый, меднотелый идол // Прожорливых желудков». Тогда как в преданиях и устных рассказах котел представляется в объеме двух с половиной метров и глубиной в полтора. Слова «мечети», «церкви», «сечи», «погони», особенно «гарь» указывают на невозможность забыть те суровые непреходящие времена.

Дословно с бур. на русский название горы Сайханайн-табхар переводится как богатый котел. С точки зрения исследователей, «В культуре бурят, а в целом и в представлениях многих народов мира котел являлся не простым предметом домашнего обихода... Котел символизировал священность домашнего очага, его чистоту, полноту жизни, достаток семьи, продолжение рода. С котлом связывались понятия перемещения, трансформации, перерождения или, наоборот, наказания» [3,

С. 2710]. Ежегодно, с приходом весны местные жители-шаманисты совершают обряд поклонения хозяину горы. Ими почитается божество Баян Тогоото – покровитель достатка, богатства, благополучия.

К подобным экскурсам в историю В. Липатов углублялся, возможно, и под влиянием бесед, разговоров с другом, старшим товарищем по русской литературе в Бурятии Исаем Калашниковым, который десять лет работал над главным романом в своей творческой жизни о личности Чингисхана, вышедшим в печать в 1978 году под названием «Жестокий век». И. Калашников подошел к проблеме Чингисхана не с точки зрения исторической личности монгольского предводителя, а как к обычному человеку, которого само время выдвинуло. Практически в художественном изложении русский писатель из Бурятии претворил философскую мысль Л.Н. Гумилева о пассионарной личности. Не случайно у В. Липатов посвятил старшему товарищу стихотворение «Беседа»:

Уснул предвесенний Горячинск.
Не видно ни звезд, ни земли.
Лишь мы в полутьме горячем
Ночную беседу вели... [4, С. 34]

Литературу Бурятии невозможно представить без имени И. Калашникова и его романа «Жестокий век» о личности Чингисхана. И имя писателя - выходца из старообрядцев – семейских, и произведение об объединении монгольских племен под предводительством Тэмуджина-Чингисхана, и сама Бурятия создают в стихотворении В. Липатова гармоничное социокультурное пространство. Данные составные пласты нельзя оторвать друг от друга. Это неделимое художественное единство, жизненное для самого поэта. Становится понятным, отчего так печален лирический герой В. Липатова: он скорбит по утраченному другу по жизни и по творчеству. Композиция стихотворения, допускающая прямую речь, не просто напоминает о словах И. Калашникова, когда-то обращенные к поэту, а оказывается самым настоящим напутствием, которое не раз слышал от старшего товарища В. Липатов: «Пиши, словно мчатся собаки.../ Пиши и не жди вдохновенья. / Рыдай, задыхайся, дрожи. /... Вот первый. Здесь замысел изначальный / Всего, что напишешь пером, / Но смысл философский, глобальный / Читателя ждет на втором...» [4, С. 34–35]. В. Липатов хорошо усвоил уроки И. Калашникова. Это чувствуется в стихотворении фразой: «Пусть сердце просит слов невнятных»; в анафорически повторяющихся строках стихотворения: «Пусть сердце...» и «Не отрекись...» [4, С. 35]. В них поэтически развивается продолжающийся ирреальный диалог поэта с писателем.

В. Липатов словно по-новому осмысливает свою дружбу с И. Калашниковым, вникая в суть писательских секретов и тайн. Писатель – это особое состояние души. Именно это вложено в стихи В. Липатова об И. Калашни-

кове. Однако было бы неправильным отметить, что эти мысли поэта только об одном писателе. Скорее, это относится ко всем художникам слова в Бурятии. Оттого, как в стихах М. Шиханова, у поэтов «Мешаются / привычно / и затейливо / бурятские / и русские слова, / вот так пестро / осенится у дерева / зеленая и желтая листва...» [9, С. 81].

Таким образом, в стихах поэтов находим переживания как собственно личностные – относящиеся к судьбе лирического героя, так и те, что связаны были с судь-

бой всей России, народа в целом. Бурятия со всем ее географическим положением: горами, холмами, лесом и степью, людьми – писателями образует основу особого социокультурного пространства малой родины, освоенного и непрерывно преобразовываемого человеком. Уникальность такого пространства в том, что в нем каждая составная свидетельствует о напластовании в одном измерении, слиянии разных исторических, культурных, религиозных начал, традиций, что и составляет особенность Бурятии и живущего в нем человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология литературы Бурятии XX-начала XIX века. В 3 т. Т. 1. Поэзия / сост. Б.С. Дугаров; вст. ст. Л.С. Дампиловой, Б.С. Дугарова. – Улан-Удэ; Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 607 с + ил.
2. Балакаев, А. Переписка с Исаем Калашниковым // Калашниковские чтения. 1997–1998 гг. -Улан-Удэ, 2000. - Вып. 1. - С. 70–77
3. Данчинова, М.Д. Архетипичность устной прозы бурят (на примере шаманских сновидений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. 2023. Том 16. Выпуск 9 с. 2707–2711
4. Липатов, В.В. Багульник: Стихотворения.-М.: Сов. Россия, 1985. с. 80
5. Орлова, Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Грамота, 2017. № 7(81) С. 149–152.
6. Паликова, А.К. Все же жил не напрасно... с. 5–10 / Биобиблиографический указатель о жизни и творчестве Владимира Липатова / ЦГБ им. И.Калашникова; ИМО; Сост. В.И. Огурцова, - Улан-Удэ, 2001, - 54 с.
7. Сорокин, П. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. - М.: Наука, 1994. - С. 34–84; 159–167.
8. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов/ Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. | Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой/ Москва/ «Русский язык» 1994. - 843 с.
9. Шиханов, М.М. Хлебные карточки: стихи и рассказы. / ред. Сост. Л.Д. Шиханова – Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. -230 с.: ил.
10. Щитов, А.В. Красная осень. Бурятское книжное издательство. Улан-Удэ. 1979.

© Мункуева Лидия Доржиевна (lidiya-naumova@inbox.ru), Затеева Татьяна Владимировна (vlatat1954@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»